

О. Ф. КОНОВАЛОВА

Принцип отбора фактических сведений в «Житии Стефана Пермского»

Довольно долго в научной литературе существовало мнение, что Епифаний Премудрый пренебрегал реальными фактами, увлекаясь только чистой риторикой, «плетением словес». Исследователи отмечали излишнюю изощренность языка писателя, обвиняли Епифания в стремлении затемнить реальный смысл событий. Мнение В. О. Ключевского,¹ что исторические сведения у Епифания Премудрого тонут в потоке авторского витийства, что фактические данные, использованные писателем, не соответствуют тем источникам, какими он, по-видимому, располагал, оказало решающее влияние на отношение к творчеству Епифания последующих исследователей.² Тем не менее несмотря на критическое отношение к достоверности фактических сведений, содержащихся в «Житии Стефана Пермского», многие историки, краеведы, географы, историки русской церкви широко пользовались в своих работах разнообразными данными, почерпнутыми из этого жития.³

Такая двойственная оценка труда Епифания находит объяснение в его неодинаковом отношении к историческим и фактическим сведениям.

Повествуя о своем герое, Епифаний не заботится об историзме и документальной точности изложения. Это приводит к тому, что над реальными фактами из жизни Стефана Пермского доминирует общая традиционная схема жизнеописания святого, что особенно заметно в разделе жития, посвященном детству и юности героя. Писатель включил в биографию Стефана лишь те факты его жизни, которые соответствовали основ-

¹ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 78—112.

² И. Яхонтов. Жития святых севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1882, стр. 8; А. Кадлубовский. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902, стр. 165; В. Яблонский. Пахомий Серб и его агнографические писания. СПб., 1908, стр. 198—217; Е. В. Петухов. Русская литература. Юрьев, 1911, стр. 199—202; М. Н. Сперанский. История древней русской литературы. М., 1921, стр. 104; А. С. Орлов. Лекции по древней русской литературе. М.—Л., 1939, стр. 90, 240; Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. М., 1959, стр. 235—242, и др.

³ Е. Болховитинов. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина, т. 1. М., 1827; А. Михайлов. Сказания о житии и трудах Стефана Пермского. — Вологодские губернские ведомости, 1850, № 9; Макарий, архиепископ. История русской церкви, т. IV. СПб., 1866; А. Дмитриев. Историко-археологический очерк Чердынского края. — В кн.: Календарь Пермской губернии. Пермь, 1883; Г. С. Лыткин. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. СПб., 1889.

ному авторскому замыслу — доказать величие подвига святого. Безудержный поток восхищения перед деянием святого затмевает биографические сведения о герое. Так, говоря о родителях Стефана, Епифаний Премудрый не сообщает даты рождения святого. Отсутствие этих сведений привело к расхождению во мнениях исследователей по этому вопросу.⁴

Не подлежит сомнению, что Епифаний был хорошо осведомлен о многих обстоятельствах жизни Стефана, но в житии эти знания не были использованы, так как это противоречило замыслу писателя рассказать лишь о деяниях пермского епископа.

В предисловии к житию, в похвальном слове, Епифаний Премудрый указывает на источники сведений о Стефане. Он основывается на конкретных, хорошо известных ему фактах: «Сия же убо списках и зде и онде собрав, предположих, я ж о житии его ова слухом услышах, ова ж от ученик его уведах, я ж о учительстве, управлении. Есть же другое, яко и своима очима видех, иное ж и самем беседовах многажды и от того навыхох и прочая».⁵ Обращаясь к самому Стефану, Епифаний произносит: «Аз же отче господине епископе, аще уже и умершу ти, хошу принести ти хвалу или сердцем, или языком, или умом, иже иногда живу сущу ти, бых ти досадител, ныне же похвалитель и некогда с тобою спирахся о неких о приключившихся или о слове етере, или о коемждо стисе, или о строц».⁶ В тексте жития заметны отголоски бесед Епифания Премудрого с пермским епископом. Так, например, рассказ о борьбе Стефана с волхвом заканчивается словами епископа, которые Епифаний якобы запомнил из его рассказа: «...преподобный же рече: прение наше еже с волхвом, в нем же мала не скончася над нами одно слово, глаголющее: проидохом сквозе огонь и воду и изведе не в покои, но обаче отшедшу влхву обретохом покой».⁷ В. О. Ключевский отмечает, что в рассказе о проповеди святого в Перми «есть живые черты, схваченные прямо со слов Стефана и его сотрудников и оставленные автором в нетропутом риторикой виде».⁸

Совершенно очевидно, что Епифаний Премудрый был лично знаком со Стефаном. Он мог встречаться с ним в монастыре Сергия. Их сближало многое: высокая по тому времени образованность, склонность к рассуждениям и спорам на богословские темы и т. д. Таким образом, у Епифания было достаточно возможностей подробно узнать жизнь Стефана Пермского. Однако, как уже было сказано выше, своей задачей писатель считал воспевание подвига Стефана, его деяний во славу христианства. Житейские подробности в таком рассказе неуместны, они даже могут принизить героя. Не менее важна еще одна теоретическая посылка писателя: житие нерукотворно, и в соответствии с представлением, что автор жития — лишь орудие в божьих руках, он сознательно избегает подробных биографических сведений о герое своего произведения. Поэтому так неопределенны сообщения жития о детстве Стефана, о его деятельности до появления в Перми, ничего не говорится о том, знал ли Стефан язык зырян (пермян) с детства, нет сведений об охранных грамотах, которые Стефан мог получить в Москве, ничего не сообщается о монастырях, созданных Стефаном, и т. д.

⁴ В. О. Ключевский предположил, что Стефан родился в 1332 г. (см.: В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых..., стр. 96); митрополит Макарий считал датой рождения Стефана 1330 г. (А. М. Сказание о жизни и трудах св. Стефана, спасителя Перми. СПб., 1856, стр. 3); Г. С. Лыткин называл 1335—1340 гг. (Г. С. Лыткин. Зырянский край..., стр. 4).

⁵ Житие святого Стефана епископа Пермского. СПб., 1897, стр. 2.

⁶ Там же, стр. 100.

⁷ Там же, стр. 58.

⁸ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых..., стр. 95.

Но совсем по-иному относится Епифаний к фактическим сведениям, не касающимся непосредственно личности подвижника. Большой интерес представляют описания религиозных обычаев язычников, рассказ о кумирах пермян, об их главном кумире «золотой бабе», сведения о местных промыслах, об охоте пермян.⁹ Ученые рассуждения Епифания о языках и азбуках, об азбуке пермского языка и образцы букв, имеющиеся в житии, послужили толчком для лингвистических изысканий в этой области.¹⁰ Епифаний описывает политическую ситуацию тех лет, рассказывает о взаимоотношениях Перми и Москвы, об отношении московской церкви к миссионерству Стефана.¹¹ Точны географические сведения Епифания, реальны описания быта и нравов пермян. Характерно, что именно Епифаний Премудрый дал названия племенам, населявшим Пермский край. Более того, само слово «пермяне» в письменности впервые было употреблено Епифанием.¹²

Не менее интересно отношение Епифаниевского жития к летописным данным о просветителе Пермской земли. Все сведения жития о Стефане, географическое описание Пермского края, справки этнографического и исторического характера встречаются и в летописях.¹³ Исследование и сопоставление летописей и «Жития Стефана Пермского» позволяют сделать вывод, что до появления жития, написанного Епифанием, о Стефане Пермском почти ничего не было известно и что те летописные статьи, которые повествуют о деятельности Стефана или сообщают какие-либо сведения о Пермской земле, восходят к житию.¹⁴

Итак, мы видим, что писатель отбирает факты и использует их в зависимости от назначения той или иной части жития. В произведении Епифания немало разнообразных фактических данных и только биография подвижника лишь намечена.

Почему же так долго живет мнение о том, что Епифаний Премудрый пренебрегал реальными фактами, создавая свое житие? Видимо, вольно или невольно, у читателей и исследователей произведения, в центре которого находится Стефан Пермский, все внимание сосредоточивалось на его личности и весь памятник воспринимался прежде всего как биография пермского епископа, а из-за этого оставались без внимания те действительно важные и конкретные сведения, которые содержались в житии, но не касались биографии Стефана.

⁹ А. Дмитриев. Историко-археологический очерк Чердынского края, стр. 27—32; Е. Попов. Великопермская и Пермская епархия. Пермь, 1879.

¹⁰ П. Савваитов. Грамматика зырянского языка. СПб., 1850; Г. С. Лыткин. Зырянский край. . ., стр. I—IV, 1—220 и др.

¹¹ М. Н. Тихомиров. Средневековая Москва в XIV—XV вв. М., 1957, стр. 128, 135, 209; А. Н. Клибанов. Реформационные движения в России. М., 1960, стр. 159.

¹² А. Дмитриев. Пермская старина. Пермь, 1889, стр. 3, 50, 121—134.

¹³ ПСРЛ, т. V, СПб., 1851, стр. 249—250; т. VI, СПб., 1853, стр. 129; т. VIII, СПб., 1859, стр. 69—70; т. XI, М., 1965, стр. 164—165; т. XXIII, СПб., 1910, стр. 135; т. XXVII, М.—Л., 1962, стр. 262, 337; т. XXV, М.—Л., 1949, стр. 226—227.

¹⁴ Более подробно соотношение реалей и вымысла в житии, летописные параллели, принципы, которыми руководствовался Епифаний при отборе фактов, будут рассмотрены в отдельной работе.